

Терминология проектов по реформированию уголовного права и процесса в России первой четверти XVIII в.

Кушков Е. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

E-mail: ekushkov@hse.ru

Аннотация

Введение: в статье анализируется процесс складывания юридической терминологии в России в контексте формирования современного юридико-правового языка. Предметом исследования выступает терминологический аппарат проектов реформирования судебной системы России, разработанных в Уложенной комиссии 1720-х гг.

Методология и материалы: основа источниковой базы исследования — проекты нормативных правовых актов, разработанные в Уложенной комиссии к 1726 г. и хранящиеся в настоящий момент в Российском государственном архиве древних актов. Рассматриваются уголовный и уголовно-процессуальный разделы проекта Уложения Российского государства. Работа основана на применении формально-юридического и исторического методов, а также методов количественного контент-анализа.

Результаты исследования: изучение особенностей формирования понятийной составляющей современной системы уголовного права и процесса в исторической ретроспективе задает необходимый ракурс для переосмысления устоявшихся подходов к анализу обозначенных реалий. Обращение к законопроектам Уложенной комиссии 1720-х годов свидетельствует о том, что предлагаемый проект будущего уголовно-процессуального кодекса отличался последовательностью и логической стройностью изложения, точностью терминологической базы, используемой для описания процессуальных действий. В значительной степени это было следствием синтетического соединения отечественных и иностранных норм права, а также привнесения в кодификационную деятельность комиссий принципов новой юридической техники, которая заимствовалась из иностранных источников права, прежде всего шведских и датских. В уголовном разделе будущего кодифицированного акта подобная терминологическая точность и четкость не была так явно выражена. Реагируя на кардинальное и еще не финализированное изменение социальной реальности, он не предлагал как обобщающих понятий для обозначения правонарушений и правонарушителей, так и единой номенклатуры видов правонарушений.

Выводы: терминологическая полифония, присущая уголовному разделу проекта Уложения, свидетельствует о незавершенном процессе формирования юридического языка, в рамках которого термины конкурировали между собой, и каждое из используемых понятий имело шанс занять центральное место. Основные акторы законотворческого процесса не ставили в качестве приоритетной задачу по выработке единой терминологии для фиксации противоправных деяний и в итоге не создали ее. Наряду с этим активное рационально мотивированное и строго соотносимое с действующим нормативным правовым полем обращение к иностранному опыту способствовало обновлению юридической техники и алгоритмов систематизации законо-

дательного материала. Отмеченные изменения обозначают перспективу для переосмысления путей развития уголовного права в России, традиционно связываемых со становлением юриспруденции как университетской дисциплины, и демонстрируют важность включения в исследовательское поле законодательных проектов и предложений.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-процессуальное право, юридическая техника, реформа судебной системы, Уложенная комиссия.

Финансирование: исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Кушков Е. А. Терминология проектов по реформированию уголовного права и процесса в России первой четверти XVIII в. // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 4 (30). EDN: TDTEUW

The article was submitted: 31.08.2025

Last review received: 13.11.2025

The article accepted for publication: 16.12.2025

Terminology in the Drafts on the Reform of Criminal Law and Procedure in Russia during the First Quarter of the 18th Century

Evgeniy A. Kushkov

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

E-mail: ekushkov@hse.ru

Abstract

Introduction: The paper is devoted to the development of legal terminology in Russia in the context of the formation of a modern legal language. This research examines the specific terminology of the judicial reform drafts prepared by the Legislation commission of the 1720s.

Methodology and materials: The source base of survey is based on drafts prepared by the Legislation commission by 1726 and currently placed in the Russian State Archive of Ancient Acts. The analysis focuses on the criminal law and criminal procedure sections of the draft Code of the Russian State. The research employs formal-legal and historical methods, as well as quantitative content analysis.

Research results: An examination of the legislative drafts produced by the Legislative commission of the 1720s reveals that the proposed code of criminal procedure was distinguished by its coherence, logical structure, and the precision of the terminology used to describe procedural actions. This was largely a consequence of the synthetic integration of domestic and foreign legal norms, as well as the introduction of new principles of legal drafting into the commissions' work. These principles were borrowed from foreign legal sources, primarily Swedish and Danish. However, in the criminal law section of this future codified act, such terminological precision and clarity were not as pronounced. This section did not offer overarching concepts for defining offenses and offenders, nor a unified nomenclature for types of crimes, responding to a social reality that was undergoing radical and still-unfinalized changes.

Conclusions: The terminological polyphony inherent in the criminal law section of the draft Code points to an incomplete process of forming a legal language. Within this process, terms competed with each other, and each of the concepts used had the potential to become major. However, the process was not completed, and uniform terminology was failed to emerge. Simultaneously, the active recourse to foreign models — rational, motivated, and meticulously calibrated against the current normative landscape — acted as a catalyst for renovating legal technique and the methodologies for organizing

legislative material. The observed changes outline a perspective for a reinterpretation of the development of Russian criminal law, a trajectory traditionally linked to the emergence of jurisprudence as an academic discipline.

Keywords: criminal law, criminal procedure law, legal technique, judicial reform, Legislative Commission.

Funding: The study was carried out within the framework of the HSE University Fundamental Research Program.

For citation: Kushkov, E. A. (2026) Terminology in the Drafts on the Reform of Criminal Law and Procedure in Russia during the First Quarter of the 18th Century. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (30). (In Russ.)

Введение

Для современной юридической науки значимым является вопрос исторического развития институтов права и юридической терминологии, служащей для их описания. Историческая ретроспектива позволяет глубже понять сущность указанных феноменов, обозначить причины текущего их состояния¹. В то же время многие из проблем, стоявших перед юриспруденцией в прошлом, с известными оговорками можно признать актуальными и в наше время. В этом контексте представляется значимым обращение к историческому опыту. Одна из таких проблем — юридическая техника, уже — юридическая терминология, последовательность и корректность употребления юридических понятий².

В данном контексте важно отметить, что именно Новое время являлось ключевым периодом развития юриспруденции, который определил облик современных систем права как в России, так и в Европе в целом³. Становление современного государства усилило роль нормативных правовых актов как источников права и регуляторов общественной жизни⁴. Это привело к росту разновидностей и числа издаваемых высшей властью нормативных постановлений. Данное обстоятельство актуализировало проблематику юридической техники, используемой при разработке нормативных правовых актов⁵.

Применительно к России указанные изменения были частью кардинальной трансформации всех сфер общественной жизни, начавшейся в конце XVII в. и активизировавшейся в первой четверти XVIII в. в рамках начатых Петром I реформ, которые в наибольшей степени затрагивали сферу государственного управления⁶. Однако изменения, происходившие в этот период собственно в юридической сфере, зачастую принято недооценивать.

По мнению исследователей, одной из главных проблем, с которой столкнулась российская юриспруденция в рассматриваемый период, была проблема формирования обновленного юридического языка и юридической терминологии. Так, Григорий Самуилович Фельдштейн писал, что право Петровской эпохи не знало системности и точности употребления юридических терминов: одни и те же понятия могли приобретать разные значения в разных контекстах, законодатель очень редко давал определение вводимым в оборот терминам⁷. Например, в уголовном праве неорганично смешивались как традиционные термины, так и заимствованные понятия, перешедшие из военного права.

Для решения указанных проблем российским администраторам не хватало теоретической базы, которая появилась только с развитием юридической науки в стенах Московского университета трудами

¹ См.: Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т. 1. С. 34–35.

² См.: Нормография: теория и методология нормотворчества / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М., 2007. С. 44, 131.

³ См.: Halpérin J.-L. Five Legal Revolutions Since the 17th Century: An Analysis of a Global Legal History. Heidelberg; Berlin, 2014. Pp. 1–10.

⁴ См.: Padoa-Schioppa A. A. History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century. Cambridge, 2017. Pp. 320–341.

⁵ См.: Halpérin J.-L. Ibid. Pp. 38–39.

⁶ См.: Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М., 2001; Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 474–476.

⁷ См.: Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 48–52.

первых преподавателей его юридического факультета⁸. Таким образом, развитие юридической техники увязывалось с университетским образованием, которое даст значимый результат уже в следующем, XIX столетии.

Однако на данную ситуацию можно взглянуть под другим углом: уже в начале XVIII в. появились первые «лаборатории» по выработке нового юридического языка, которыми являлись Уложенные комиссии. Целью создания этих временных государственных органов была подготовка нового Уложения — кодифицированного нормативного правового акта, призванного заменить Соборное Уложение 1649 г., которое не учитывало многие законодательные новации⁹.

В 1700 г. была создана Палата об Уложении¹⁰. Результатом ее работы должен был стать «свод» изданных после 1649 г. нормативных правовых актов с Соборным Уложением — Новоуложенная книга. К 1703 г. работа по составлению Новоуложенной книги была завершена, однако она так и не получила одобрения царя¹¹. Затем в 1714 г. при Сенате была создана специальная комиссия, возглавляемая сенатором Василием Андреевичем Апухтиным, который до того имел опыт работы в Палате об Уложении¹². Перед этим учреждением также стояла задача кодификации-компиляции. Однако результаты его работы остаются неясными. Как показал Александр Сергеевич Замуруев, делопроизводственные материалы, которые в историографии обычно принимались за наработки этой комиссии, представляли собой выписки, подготовленные в Поместном приказе по запросу из Юстиц-коллегии в 1718–1719 гг.¹³

К концу 1710-х гг. у законодателя сложилась обновленная кодификационная концепция, которая была гораздо шире простой актуализации Соборного Уложения 1649 г. Теперь решение виделось в создании кодифицированного нормативного правового акта, в котором были бы синтезированы нормы традиционного российского и европейского (прежде всего, скандинавского) права¹⁴. Сенатским указом от 8 августа 1720 г. при Сенате была создана новая Уложенная комиссия, которая должна была вести работу в рамках описанной концепции.

10 сентября 1726 г. руководитель канцелярии Уложенной комиссии Авраам Степанович Сверчков докладывал в Сенат, что был «изготовлен весь порядок, в каких книгах, главах новому Уложению быть»¹⁵. 11 ноября 1726 г. проект начали готовить к обсуждению в Сенате¹⁶. Однако он так и не получил сенатской апробации и не приобрел статус закона. Несмотря на это, деятельность Уложенной комиссии 1720-х гг. представляет собой репрезентативный срез практики создания нормативных правовых актов, в рамках которой в том числе происходил процесс разработки нового юридического языка и определения юридической терминологии.

Методология и материалы

Основной источниковой базой настоящего исследования являются материалы делопроизводства: проекты нормативных правовых актов, разработанные Уложенной комиссией 1720-х гг.

Разработанный к 1726 г. проект Уложения Российского государства состоял из четырех книг¹⁷:

1. «О процессе, то есть о суде, месте и о лицах, к суду надлежащих».
2. «О процессе в криминальных, или розыскных и пыточных делах».

⁸ См.: Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2010. С. 39–45.

⁹ См.: Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся во II-м Отделении Собственной Его императорского Величества канцелярии. Одесса, 1889. С. 5.

¹⁰ См.: Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. 1. С. 1–20.

¹¹ См.: Латкин В. Н. Там же. С. 20.

¹² См.: Латкин В. Н. Там же. С. 18.

¹³ См.: Замуруев А. С. Работы разных лет. Псков, 2006. С. 102.

¹⁴ См.: Латкин В. Н. Там же. С. 21.

¹⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 44–45.

¹⁶ См.: Бабкова Г. О. «Осторожно в попытках поступать»: предложения по реформированию следствия и уголовного процесса в законопроектах 1720-х гг. // История государства и права. 2017. № 24. С. 15.

¹⁷ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 1–4.

3. «О злодействах, какие штрафы и наказания последуют».
4. «О гражданских или гражданских делах».

Уголовно-процессуальные и уголовные нормы помещались соответственно во второй и третьей книгах. В настоящий момент данные проекты хранятся в 342-м фонде Российского государственного архива древних актов «Комиссия о сочинении Нового Уложения».

При анализе указанных источников использовались формально-юридический и исторический методы, а также методы количественного контент-анализа для определения частоты использования того или иного юридического термина.

Результаты исследования

Подход к разработке уголовно-процессуальных норм

Проект «О процессе в криминальных, или розыскных и пыточных делах» предполагал введение уголовного процесса розыскного типа, который делился на последовательно сменявшие друг друга стадии. Переход между этими стадиями детально регламентировался: для совершения каждого процессуально-го действия судьей, ведущему процесс, требовалось наличие достаточных оснований¹⁸.

Это касалось и центрального элемента розыскного процесса — пытки¹⁹. Относительно данного процессуального действия целями разработчиков проекта были: ограничение области применения пыточных процедур, систематизация правил ее проведения, побуждение судьи к отказу от применения пытки. Последнее достигалось за счет введения жестких санкций за применение пытки без достаточных оснований²⁰ либо за увечья, которые обвиняемый мог получить в результате ее использования²¹. Кроме того, выделялись категории лиц, к которым пытка не могла быть применена в принципе — пожилые люди (старше 70 лет), дети до 14 лет и беременные женщины²².

Стремление разделить процесс на четко определенные этапы отличал подход авторов проекта «О процессе...», например, от подхода составителей Соборного Уложения 1649 г. Глава «О разбойных и о татинных делах» Соборного Уложения, в которой были собраны уголовно-процессуальные нормы, представляла собой, по сути, описание отдельных казусов и способов их разрешения. Реализация предлагаемых в проекте мер на практике означала бы шаг к более современному и гуманному судопроизводству.

Основания для совершения судьей процессуальных действий обозначаются в проекте термином «признак». Данный термин прямо определялся в тексте проекта — «признак есть означение учиненного какого дела, которой основание правды показывает»²³. Вводилось деление «признаков» на общие и особые.

Первым и главным общим «признаком» были показания свидетеля о совершении подозреваемым вменяемого ему правонарушения²⁴. При этом «один свидетель свидетелем не почитаеца»²⁵, а судья должен был обращать внимание на репутацию свидетеля²⁶. Кроме того, к общим «признакам» относились обнаружение на месте преступления вещи, принадлежавшей подозреваемому, угрозы в адрес жертвы, сведения о том, что подозреваемый «прихвлялся» совершить вменяемое ему деяние, след подозреваемого «в мягкой земле», обнаруженный на месте преступления, попытки подозреваемого уладить дело во внесудебном порядке²⁷.

¹⁸ О содержании проекта подробнее см.: Кушков Е. А. Этапы следствия в проектах по обновлению уголовного судопроизводства Уложенной комиссии 1720-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 112–118.

¹⁹ Подробнее про место пытки в розыском процессе см.: Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 129–130.

²⁰ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 366.

²¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 366.

²² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 157.

²³ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 332.

²⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 343.

²⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 343.

²⁶ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 354 об.

²⁷ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 364 об.

Особые «признаки», в свою очередь, есть «признаки», «которые не всем злодействам, но токмо некоторым приличны»²⁸. Так, особыми «признаками» убийства являлись: присутствие подозреваемого на месте преступления, найденное у него оружие («окровавленная шпага») либо его оружие (можно достоверно установить принадлежность), найденное на месте преступления, подозрительное поведение рядом с местом преступления («ис того двора [где совершено убийство. — Е. К.] выбежит с белым лицом») ²⁹. Если жена утаила убийство мужа, она становилась главным подозреваемым в его убийстве³⁰.

Указанные аспекты свидетельствуют о том, что трансформация подхода к уголовно-процессуальному праву заключалась не только в стремлении к детальной регламентации процедур, но и к понятийной точности и последовательности в употреблении терминов. Такой подход, как представляется, расходится с приведенным выше суждением Г. С. Фельдштейна об отсутствии стремления к четким дефинициям.

В этом контексте симптоматична история создания проекта «О процессе...». Подготовительный вариант текста был составлен между 1722 и 1724 гг. немецким юристом на российской службе, ассессором Юстиц-коллегии Эрнстом Кромпейном³¹. До поступления на российскую службу Э. Кромпейн изучал юриспруденцию в университетах Йены и Лейпцига, а в 1690 г. начал адвокатскую практику в Ревеле³².

Как дипломированный юрист Э. Кромпейн выступал для Уложенной комиссии одним из главных экспертов в области европейского права, а также в качестве переводчика шведских нормативных правовых актов³³. Ему было поручено подготовить выборку из шведских, немецких, саксонских источников права, а также из законодательных актов Священной Римской империи, относящихся к уголовно-процессуальному праву. Однако Э. Кромпейн пошел дальше. Получившийся на выходе текст — озаглавленный в архивном деле как «Процесс сочинения Кромпейнова о криминальных или розыскных делах»³⁴ — по сути, представлял собой законченный проект уголовно-процессуального кодекса. Текст делился на главы и артикулы и содержал предложения по регламентации всех этапов розыскной процедуры: от возбуждения уголовного дела до приведения приговора в исполнение. В рамках этого же текста была сформулирована описанная выше концепция «признаков».

Члены Уложенной комиссии, занимаясь составлением первой редакции уголовно-процессуального раздела, отталкивались от предложений немецкого юриста. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в архивном деле листы с первой редакцией проекта помещены между соответствующими листами текста Э. Кромпейна.

На этом этапе отношение российских чиновников к «Процессу...» Э. Кромпейна оказалось неоднозначным. Уже «против» первой статьи текста Э. Кромпейна, в которой речь шла о полномочиях судьи, встречается помета «неприличны, понеже, где судам быть и по каким явствует из инструкции»³⁵. Однако главы и статьи, содержащие концепцию «признаков», были сохранены. Более того, данная концепция подверглась уточнению и доработке. Так, было добавлено, что обнаруженное у подозреваемого имущество потерпевшего могло быть «признаком» к попытке, только если потерпевший до этого заявил об украденном челобитной «не далее недели времени, буже скоряя нельзя»³⁶.

При разработке финальной редакции уголовно-процессуального раздела сменилась команда, над ним работавшая. После 28 октября 1724 г. составление проекта Уложения велось силами канцелярских служащих Уложенной комиссии: привлеченные к ее работе чиновники, в том числе имевшие опыт судейской работы, более на заседания не собирались. Не вдаваясь в подробности того, как велась работа над данной редакцией проекта, стоит отметить, что уровень доверия к предложениям Э. Кромпейна со

²⁸ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 385.

²⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 385 об.

³⁰ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 396.

³¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 1 об.

³² См.: Серов Д. О. Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 51.

³³ См.: Серов Д. О. Там же. С. 55.

³⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 1 об.

³⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 5.

³⁶ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 219 об. — 220.

стороны составителей на этом этапе вырос. Относится это и к концепции «признаков», которая была закреплена в итоговой редакции проекта нормативного правового акта.

Произведенный анализ непротиворечиво свидетельствует, что взаимодействие с иностранным правовым опытом способствовало преодолению терминологической полифонии и унификации юридического языка в уголовно-процессуальном разделе проекта Уложения.

Терминология уголовного права — правонарушение

Современное российское уголовное право использует для обозначения уголовных правонарушений обобщение «преступления» (ст. 14 УК РФ). Как показано на рисунке 1, проект «О злодействах, какие штрафы и наказания последуют» предполагает большее разнообразие в этом вопросе.

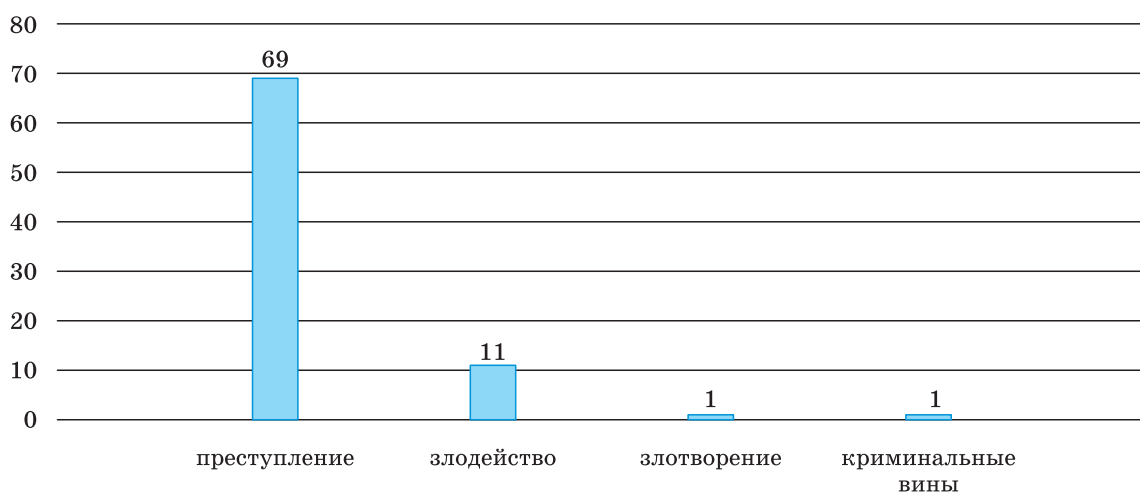

Рис. 1. Терминология для обозначения правонарушения³⁷

Примечательно, что термин «злодейство», вынесенный в заглавие проекта, занимает лишь второе место по количеству употреблений, притом с большим отрывом. Экзотическое понятие «криминальные вины» используется в качестве альтернативного названия проекта «О злодействах...» — по-видимому, оно переключалось из материалов первых чтений в присутствии Уложенной комиссии глав о противоцерковных и «магических» преступлениях³⁸.

Термин «злоторение» встречается в артикуле, устанавливающем возраст привлечения к уголовной ответственности в 12 лет: «в такое злоторение лехко вступить могут, что уже и за истину других обучать»³⁹. Данное слово имеет в тексте более широкое и не юридическое значение — выступает не как синоним правонарушения, а как описание девиантного поведения в целом.

Правонарушитель

Не завершённый ещё процесс поиска обобщающих категорий заметен и при попытке очертить круг понятий, используемых для обозначения правонарушителя (см. рис. 2). Составители проекта «О процессе...» используют термины «злодей» (70 упоминаний), «преступник» (36 упоминаний), «вор» (с большим

³⁷ Источник: составлено автором на основе архивных данных.

³⁸ См.: Замуруев А. С. Приемы и методы кодификации при подготовке проекта Уложения Российского государства в 20-е годы XVIII в. (На примере глав о противоцерковных преступлениях) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб. 1994. Вып. 25. С. 117–126.

³⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 71 об.

отрывом — 6 упоминаний). Однако чаще всего правонарушитель обозначается в соответствии с совершаемым им правонарушением (117 упоминаний).

Так, например, слово «подкупитель» используется для обозначения виновного в даче взятки⁴⁰. Для обвиняемого в организации дуэли используется термин «вызыватель»⁴¹. Сразу несколько терминов используется для обозначения виновного в государственной измене: «переметчик», «клятвонарушитель», «изменник»⁴². Дифференцируются друг от друга понятия «мятежник» и «бунтовщик». Первое употребляется в артикулах, посвященных преступлениям против церкви⁴³. Второе — против светской власти, в одном ряду с изменником⁴⁴.

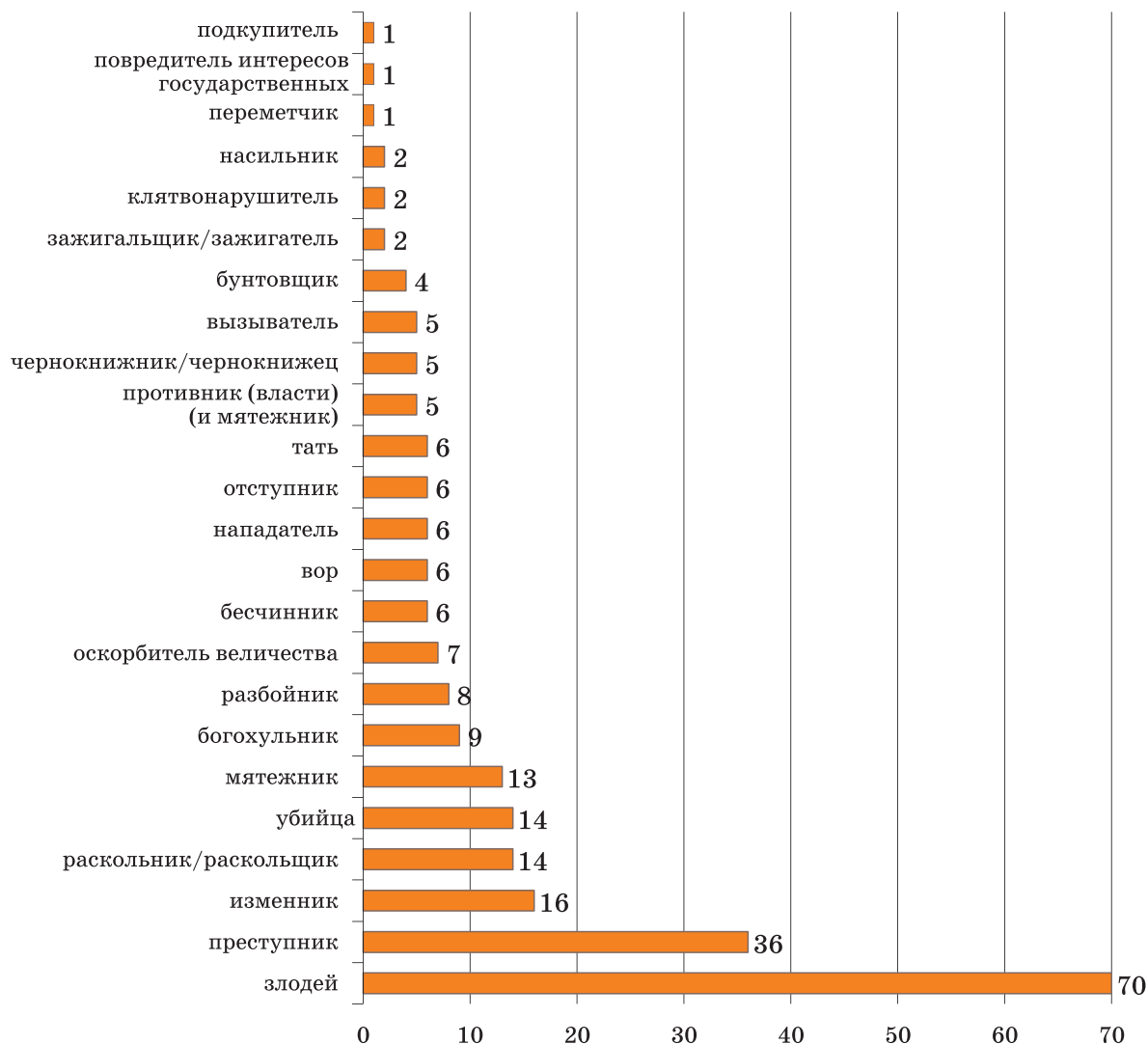

Рис. 2. Терминология для обозначения правонарушителя⁴⁵

⁴⁰ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 216.

⁴¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 297.

⁴² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 107, 170 об., 247 об.

⁴³ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 49.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 172 об.

⁴⁵ Источник: составлено автором на основе архивных данных.

Преступления коррупционной направленности

Одним из важных направлений реформирования уголовного права в Петровскую эпоху было формирование представления о коррупции как об уголовно-наказуемом деянии⁴⁶. На практике, однако, граница между взяткой и средствами, законно получаемыми приказным служителем от просителей, долгое время была размытой, а государство непоследовательно в наказании такого рода правонарушителей⁴⁷.

Как показано на рисунке 3, «посул» и «взятка» используются как синонимичные понятия для обозначения незаконного получения должностными лицами материальных ценностей. Долгое время, однако, термин «посул» использовался для обозначения вполне законных подношений, получаемых чиновниками от населения за рассмотрение дел. Целью посула в этом контексте было не склонить чиновника к совершению противоправных деяний, а ускорить рассмотрение дела. Взятки и посулы были уравнены Петровским указом от 24 декабря 1714 г.: оба явления были признаны коррупционными преступлениями⁴⁸.

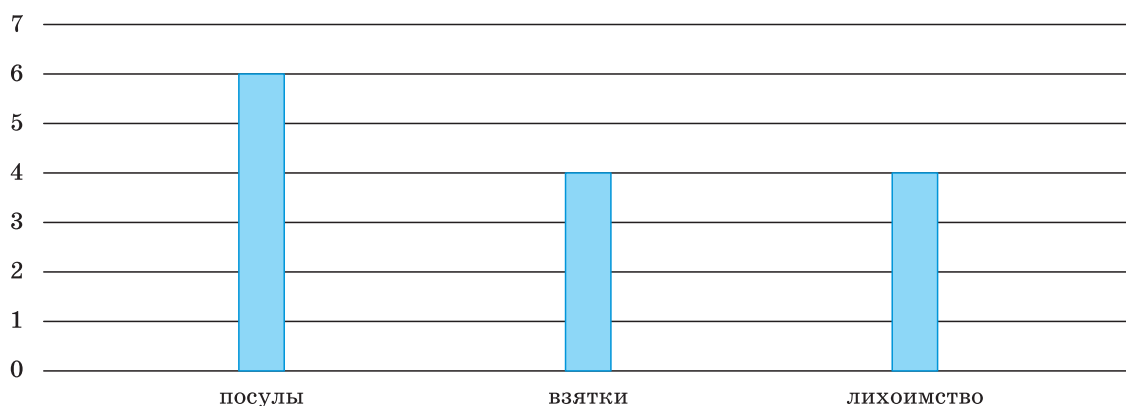

Рис. 3. Коррупция⁴⁹

В проекте «О злодействах...» посул употребляется как синоним взятки:

*«А которые в покупках или продажах и в подрядах, и в наборех, и в отпусках рекрут судей и всяких чинов людей, кому какие дела подчинены всякими вымыслы собою или чрез посторонних подложно для похищения (денежной казны) к неправде скупают денежным и другим каким **посулом**»⁵⁰.*

Данный пассаж касается получения материальных ценностей за совершение заведомо неправомερных действий. Это позволяет сделать вывод о том, что первоначальное значение посула — как явления вполне законного — в тексте проекта «О злодействах...» теряется.

Преступления против церкви и «магические» преступления

Эти виды правонарушений помещены в первых двух главах — «О богохульниках, еретиках, церковных мятежниках, волхвах и чародеях» и «О чародействе, еретичестве и тому подобных колдунах»⁵¹.

⁴⁶ См.: Серов Д. О. «Взятков не имал, а давали в почесть...»: Взяточничество в России от царя Алексея Михайловича до царя Петра Алексеевича // Отечественные записки. 2012. № 47 (2). С. 211–223.

⁴⁷ Серов Д. О. Там же. С. 211–223.

⁴⁸ Серов Д. О. Там же. С. 211–223.

⁴⁹ Источник: составлено автором на основе архивных данных.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 324. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 212 об.

⁵¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 1, 53.

Они разрабатывались и обсуждались в Сенате вместе при активном участии Гавриила Бужинского⁵². Специфика правонарушений определила обращение к церковной лексике.

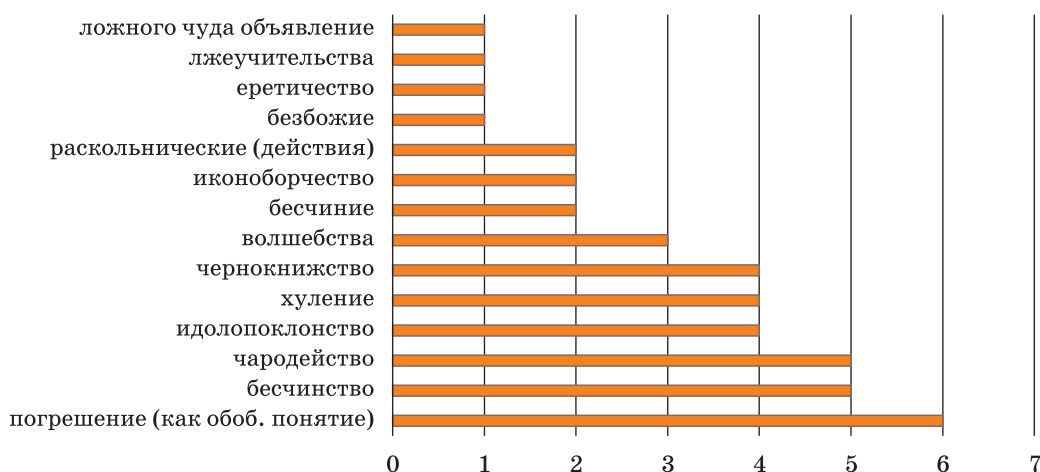

Рис. 4. Преступления против церкви⁵³

Применительно к преступлениям против церкви как обобщающее понятие для правонарушений используется слово «погрешение» (см. рис. 4).

*«Ежели, кто в такое неумышленное **погрешение**, яко человек, впадет и по вышепоказанным случаем оправдатца может, и не токмо от того отречетца, что впредь такого **погрешения** не чинит»⁵⁴. «Кто во время службы Божии станет работать, будет за первое его **погрешение** двумя лотами серебра штрафован»⁵⁵.*

В двух случаях, однако, слово «погрешение» (в значении «преступление») употребляется не в связи с церковными правонарушениями. Так, артикул «О лживых присягах» гласит:

*«В случаи же которой может свыше чаяния припасть, что тот нарушитель присяги впадет в такое **погрешение** для обстоятельных притчин из гнева и сердца своего и для того оный, не обмысля, бес целой памяти учинил, а потом раскаявся и в таком грехопадении принесет повинность, но между тем временем обиженная сторона телесного оскорбления и лишения чести не претерпел, оный от такого наказания освобожден имеет быть, токмо учинить ему церковное покаяние, как в протчих артикулах о кающихся положено, понеже в гневѣ движение сердца не допускает до того, чтоб человек вскоре обмыслится мог, и ис того такая продерзости сочинится могут. Однакож, сие разумеется о прямом незапном **погрешении**»⁵⁶.*

Обобщающее понятие для магических преступлений также остается не сформулированным. В главе «О чародействе и еретичестве, и тому подобным калдунам»⁵⁷ через запятую перечисляются правонарушения этого типа: «все идолопоклонства, чародейства, чернокнижества с великим подтверждением запрещаются»⁵⁸. В то же время не делается никакого обобщения, что заставляет разработчиков проекта

⁵² См.: Замуруев А. С. Приемы и методы кодификации при подготовке проекта Уложения Российского государства в 20-е годы XVIII в. (На примере глав о противоцерковных преступлениях) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб. 1994. Вып. 25. С. 117–126.

⁵³ Источник: составлено автором на основе архивных данных.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 35.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 121.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 107 об.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 60.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 60 об.

постоянно повторять эту триаду целиком: «ежели кто в таком идолопоклонстве, чародействе и черно-книжестве найдется»⁵⁹.

Преступления против государства

Относительно этого вида противоправных действий акцентируем внимание на словосочетании «государственной вред», которое используется не для обозначения конкретного состава преступления и не как обобщающее понятие. Скорее, речь идет о некоем отягчающем обстоятельстве — если в результате действия лица наступает «государственной вред», правонарушение карается более сурово:

*«Ежели кто в приказных письмах фальшиво вымыслом переправит в протоколах, в документах мимо указу и канцелярских дел и приговоров, и от того учинитца **государственной вред**, и такова по обличению казнить смертию ж. И в протчих по состоянию дела наказывать ссылкой на галеру на время или вовсе»⁶⁰.*

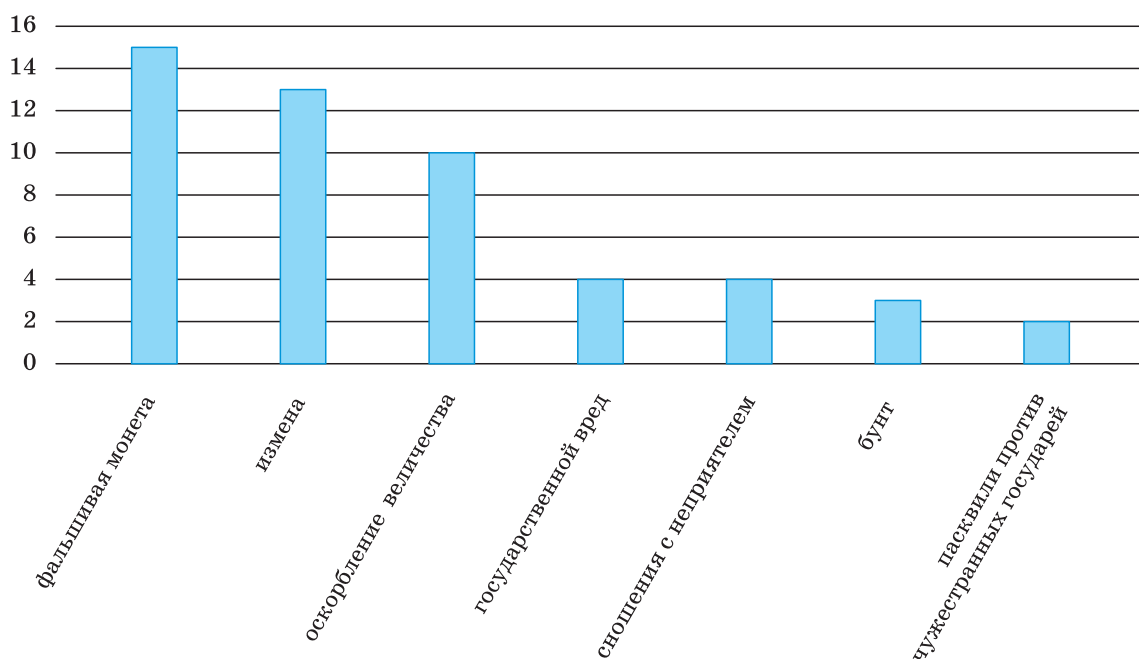

Рис. 5. Преступления против государства⁶¹

Как следует из рисунка 5, для обозначения государственной измены используются два выражения: собственно «измена»⁶² и различные вариации на тему сношений с неприятелем — «неприятелю сигнал учинит»⁶³, «к неприятелю перебежит»⁶⁴, «с неприятелем списываться»⁶⁵, «советы неприятелю

⁵⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 66.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 163.

⁶¹ Источник: составлено автором на основе архивных данных.

⁶² «Кто какую измену или сему подобное учинить намерится и, хотя сие в действо не произведет, однакож имеет по состоянию дела и признанию верховного суда таковым же жестоким наказанием наказан быть имеет якобы за произведенное самое действо» (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 170 об.).

⁶³ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 170 об.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 231.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 169 об.

подавать»⁶⁶. Все они разнесены по отдельным артикулам, то есть, по мысли авторов, вероятно, являются различными составами преступлений, а не составными характеристиками общего понятия «государственная измена».

При этом измена может трактоваться более широко, чем действия в интересах иностранных государств. Например, к измене приравнялось возмущение чиновников невыдачей жалования и неисполнение ими своих служебных обязанностей до его выдачи⁶⁷.

Выводы

Сравнение уголовно-процессуального и уголовного разделов проекта Нового Уложения между собой демонстрирует существенную разницу в подходах, использованных при их создании. Если первый стремился к четкости и последовательности использования юридической терминологии, а также к прозрачным дефинициям, то второму была присуща терминологическая полифония.

Данное обстоятельство свидетельствует о незавершенном процессе формирования юридического языка. В рамках этого процесса различные термины конкурировали между собой, и каждое из используемых понятий имело шанс занять центральное место. Также важно учитывать, что авторы уголовного раздела проекта будущего Уложения, по-видимому, не ставили перед собой в качестве главной задачи по выработке единой юридической терминологии. Основным приоритетом для них была разработка нормативного правового акта, который адекватно соотносился бы с существующим правовым полем и социальной реальностью. Значимые изменения в этих аспектах, активизированные Петровскими реформами, усложняли поставленную задачу.

В то же время более детальное обращение к опыту Уложенной комиссии 1720-х гг. позволяет несколько скорректировать сложившиеся в науке представления. Применительно к данному казусу следует говорить не об устоявшейся проблеме отсутствия единой юридической терминологии, но о ситуации поиска и продолжающегося процесса выработки нового юридического языка. Подобным образом — как длящийся и хаотичный процесс разработки нового языка — языковую ситуацию Петровской эпохи описывал Виктор Маркович Живов⁶⁸. Уложенные комиссии являлись одним из институтов, участвующих в этом процессе — применительно к языку юриспруденции.

Наряду с этим анализ уголовно-процессуального раздела проекта будущего Уложения показывает, что активное, но вместе с тем рационально мотивированное и строго соотносимое с действующим нормативным правовым полем обращение к иностранному опыту способствовало обновлению юридической техники и алгоритмов систематизации законодательного материала. Российская юридическая техника начала XVIII в. проходила процесс изменений, в ходе которого стали более заметны ее проблемные аспекты, но также появились и важные достижения.

Данные изменения намечают пути переосмысления хода развития уголовного права в России. Традиционно оно связывается со становлением университетского образования и теоретической юриспруденции. Проведенное исследование, однако, показывает, что и в предшествующий этому период происходили значимые трансформации. Указанные обстоятельства также подчеркивают важность и продуктивность включения в исследовательское поле проектов нормативных правовых актов и законодательных предложений.

Список источников

1. Бабкова Г. О. «Осторожно в пытках поступать»: предложения по реформированию следствия и уголовного процесса в законопроектах 1720-х гг. // История государства и права. 2017. № 24. С. 14–20. DOI: 10.18572/1812-3805-2017-24-14-20. EDN: ZXJRBJ

⁶⁶ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 169 об.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 3. Л. 212 об.

⁶⁸ См.: Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 279–290.

2. Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 760 с. EDN: PXNNKP
3. Замуруев А. С. Приемы и методы кодификации при подготовке проекта Уложения Российского государства в 20-е годы XVIII в. (На примере глав о противоцерковных преступлениях) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. СПб., 1994. Вып. 25. С. 117–126.
4. Замуруев А. С. Работы разных лет. Псков: б/и, 2006. 608 с.
5. Иеринг Р. Цель в праве. СПб.: Издание Н. В. Муравьева, 1881. Т. 1. 412 с.
6. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
7. Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1887. Т. 1. 607 с.
8. Нормография: теория и методология нормотворчества / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М.: Академический Проект, 2007. 480 с.
9. Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 603 с. EDN: QPEIFV
10. Серов Д. О. Администрация Петра I. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 288 с. EDN: QPITRT
11. Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2009. 488 с.
12. Серов Д. О. «Взятков не имал, а давали в почestь...»: Взятничество в России от царя Алексея Михайловича до царя Петра Алексеевича // *Отечественные записки*. 2012. № 47 (2). С. 211–223. EDN: QYORET
13. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука, 2000. 224 с. EDN: WOHGFP
14. Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся во II-м Отделении Собственной Его императорского Величества канцелярии. Одесса: Типография «Одесского листка». 1889. 55 с.
15. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль: Типография Губернского правления, 1909. 668 с.
16. Halpérin, J.-L. (2014) *Five Legal Revolutions Since the 17th Century: An Analysis of a Global Legal History*. Heidelberg; Berlin: Springer. 196 p.
17. Padoa-Schioppa, A. A. (2017) *History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press. 778 p.

Об авторе:

Кушков Евгений Андреевич, аспирант Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ORCID: 0000-0002-5310-9777; e-mail: ekushkov@hse.ru

References

1. Babkova, G. O. (2017) "To Be Cautious in Tortures": Attempts to Reformat the Investigation and the Criminal Procedure in Bills of the 1720s. *History of State and Law*. No. 24, pp. 14–20. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3805-2017-24-14-20
2. Zhivov, V. M. (2002) Research in the field of history and prehistory of Russian culture. *Yazyki slavyanskoy kul'tury*. 760 p. (In Russ.)
3. Zamuruev, A. S. (1994) Techniques and methods of codification in preparing the draft of the Code of the Russian state in the 1720s (using the example of chapters on anti-church crimes). *Auxiliary Sciences of History*. St. Petersburg. Vol. 25, pp. 117–126. (In Russ.)
4. Zamuruev, A. S. (2006). Works of different years. 2006. 608 p. (In Russ.)
5. Iering, R. (1881) The Purpose in Law. 1. *Izdanie N. V. Murav'eva*. Vol. 1. 412 p. (In Russ.)

6. Kamenskiy, A. B. (2001) From Peter I to Paul I: Reforms in 18th-Century Russia (An Attempt at a Comprehensive Analysis). *RGGU*. 575 p. (In Russ.)
7. Latkin, V. N. (1887) Legislative commissions in Russia in the 18th century. Historical and legal research. *Izдание L. F. Panteleeva*. Vol. 1. 607 p. (In Russ.)
8. Arzmasov, Y. G. (ed.) (2007) Normography: theory and methodology of rulemaking. *Akademicheskii Proekt*. 480 p. (In Russ.)
9. Sedov, P. V. (2006) The decline of the Moscow realm: The Tsarist court of the late 17th century. *Dmitriy Bulanin*. 603 p. (In Russ.)
10. Serov, D. O. (2008) The administration of Peter the Great. *OGL*. 288 p. (In Russ.)
11. Serov, D. O. (2009) Judicial reform of Peter the Great: Historical and legal research. *Zertsalo-M*. 488 p. (In Russ.)
12. Serov, D. O. (2012) "I took no bribes and only received tokens of goodwill." Bribery in Russia from czar Alexei Mikhailovich to czar Peter Alexeyevich. *Otechestvennye Zapiski: The Journal of Russian Thought*. No. 47 (2), pp. 211–223. (In Russ.)
13. Smirnov, A. V. (2000) The models of criminal procedure. *St. Petersburg publishing house Nauka*. 224 p. (In Russ.)
14. Speransky, M. M. (1889) Review of historical information about the Code. *Tipografiya «Odesskogo listka»*. 55 p. (In Russ.)
15. Feldstein, G. S. (1909) Main trends in the history of criminal law science in Russia. *Tipografiya Gubernskogo pravleniya*. 668 p. (In Russ.)
16. Halpérin, J.-L. (2014) Five Legal Revolutions Since the 17th Century: An Analysis of a Global Legal History. *Springer*. 196 p.
17. Padoa-Schioppa, A. A. (2017) History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century. *Cambridge University Press*. 778 p.

About the author:

Evgeniy A. Kushkov, postgraduate student, School of History, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-5310-9777; e-mail: ekushkov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.